

П. В. Седов

К одному из пушкинских замыслов «Истории Петра I»

Дошедший до нас пушкинский текст «Истории Петра I» представляет не столько сочинение самого Александра Сергеевича, сколько выписки из прочитанных им книг, преимущественно из исследования И. И. Голикова «Деяния Петра Великого» в 12 томах издания 1788–1789 гг. Тем не менее пушкинский замысел истории Петра можно проследить по составленному авторскому плану, который предваряет выписки из книги И. И. Голикова. Данный текст, написанный пушкинской рукой, не имеет никаких связей с трудом И. И. Голикова и представляет, надо полагать, позицию Пушкина, изложенную образно и ярко.

Два первых параграфа посвящены состоянию России до Петра. Первый озаглавлен автором «Россия извне», второй — «Россия изнутри». Обратимся ко второму. В нем перечислены сюжеты, с которыми Пушкин собирался приступать к истории Петра. Исследователи не обратили внимание на то, что среди выбранных для будущего анализа сюжетов есть один сквозной, только он повторяется многократно, пронизывает с точки зрения Пушкина жизнь допетровской России. С этого сюжета автор и начинает: «Россия разделена на воеводства, управляемые боярами. Бояре беспечные. Их дьяки алчные». Отметив алчность дьяков, Пушкин противопоставляет их беспечным боярам. Следующий сюжет является продолжением предыдущего: «Народ *taillable à merci et miséricorde*», т. е. народ, облагаемый оброком по прихоти и по произволу. Очередной тезис идет в развитие двух предыдущих: «Правосудие отдаленное, в руках дьяков». В данном случае ответственными за «отдаленность» правосудия опять же выступают дьяки. Далее Пушкин переходит к налогам: «Подати многосложные

и неопределенные. Беспорядок в сборе оных». В данном случае беспорядок при сборе податей опять же подразумевает нарушения закона. В сюжете о пошлинах и внутренних таможах Пушкин выделил только две стороны этой многоплановой деятельности государства: «а) притеснения; б) воровство». Следующие два сюжета посвящены внешней торговле и «военной силе». Подытоживая, Пушкин опять возвращается к теме злоупотреблению дьяков: «Законы, более обычаи, нежели законы, — неопределенны, судьи безграмотные. Дьяки плуты. Нравы дикие, свирепые etc.» (X, 291)¹.

Алчные дьяки, которые своим издоимством губили правосудие и разворовывали подати, противопоставлены у Пушкина их более высоким начальникам — «ленивым» боярам и «безграмотным» судьям. Таков пушкинский взгляд на проблему, он далек от современных представлений, согласно которым бояре XVII в. непосредственно участвовали в управлении и, как высокое начальство, брали «посулы» еще в больших размерах, нежели дьяки².

В конспекте труда И. И. Голикова Пушкин замечал и выписывал многочисленные сюжеты, связанные с казнокрадством и взяточничеством. Назовем некоторые из них. Следующее перечисление может показаться громоздким, но оно необходимо для обоснования наших выводов. Среди царских указов 1698 г. выписан следующий: «О явных судейских недружбах и о переносе дел из приказа в другой» (X, 53); среди указов следующего года Пушкин записал «О неподавании челобитен государю (кроме неправды судей и дьяков — на таковых бить челом самому государю)» (X, 59). Среди событий 1700 г. обстоятельно изложено следующее замечание: «Наместники имели почти неограниченную власть, определяя от себя областных правителей и царским именем реша все дела. Правители налагали и собирали подати по своей воле etc.; на сих правителей приносить жалобы должно было в канцелярии наместников, пребывающих обыкновенно в Москве, что и было всегда напрасно. Государь [ограничил] такую власть, предоставя себе право избирать судей и других правителей» (X, 62–63). За тот же год внимание Пушкина привлек следующий указ: «Прямо государю подавать одни челобитни о делах государственных (доносы?) и о неправых решениях». Далее, что интересно, следует авторский комментарий: «чувствителен недостаток *cour de cassation*» (кассационного суда. — П. С.). И ниже выписан еще один аналогичный указ: «О рассмотрении в ратушах взяток воеводских». Среди повелений Сенату 2 марта 1711 г. Пушкин отметил под первым номером: «Суд иметь нелицемерный», а под последним, десятым: «Об учреждении фискалов во всяких делах» (X, 179).

Среди событий 1714 г. Пушкин подробно выписал очередной случай казнокрадства, который особенно привлек его внимание: «Злоупотребления завелись, с году на год увеличивались, и, наконец, государственные доходы видимо уменьшились, между тем как угнетаемый народ роптал и жаловался втуне. Ушаков и фискалы открыли источник беспорядков. Петр в гневе своем повелел Ушакову прислать к нему преступников: московского вице-губернатора

Ершова, Артиллерийского приказа судью Зыбина, комиссаров и секретарей того приказа etc. etc., забрать все таможенные и кабацкие книги, счетные выписки etc., фискальные книги etc.» (X, 210). Не станем далее цитировать пушкинский текст, он весьма объемён. Очевидно, что данный сюжет особенно заинтересовал Пушкина.

Среди выбранных указов за тот же год Пушкин отметил «указ о лихоимстве, ибо прежде противу оного ничего не было указано. До того дошло, что были и подряды вымышленные» (X, 238). В начале следующего года пушкинская рукопись вновь возвращается к тому же сюжету: «Следствие о лихоимстве и других беспорядках было окончено, виновники наказаны или прощены». Далее Пушкин выписал для себя, какие меры принял Петр для предотвращения подобных злоупотреблений впредь (X, 239).

Под 1718 г. из книги И. И. Голикова было выделено следующее: «Доносы Петр ограничил тремя первыми пунктами: 1) О замысле на здоровье государю. 2) О бунте и измене. 3) О похищении казны; доносителям по двум первым пунктам велено являться к двору его величества, к караульному офицеру, а по третьему в Москве к Ушакову, а в Петербурге к Кошелеву (полковнику)» (X, 267).

Среди событий 1724 г. Пушкин пометил: «Порядок судопроизводства учрежден». А далее еще один сюжет на ту же тему с авторским комментарием: «13 ноября Петр издал еще один из жестоких своих законов касательно тех, которые стараются у приближенных к государю, покупают покровительство и дают посулы» (X, 317). Это не все сюжеты, прямо или косвенно относящиеся к мздоимству петровского времени, которые привлекли внимание Пушкина в труде И. И. Голикова. Но и их достаточно, чтобы заключить: данная тема была для Пушкина значима, здесь можно и должно искать авторский замысел.

Тема мздоимства в современной Пушкину России имела определенные коннотации, которые необходимо иметь в виду. Век Просвещения воспринял от философской и юридической мысли XVI–XVII вв. противопоставление основанной на законе монархии деспотии, которая единственно зиждется на произволе властителя. Это противопоставление было развито французскими просветителями, и в XVIII–XIX вв. оказало влияние на все страны Европы, включая и Россию.

Оценка взяточничества как зла, противостоящего правильному государственному устройству и общественному благу, была в то время, что называется, на острие копыя общественного мнения. В год открытия Лицея Н. М. Карамзин эмоционально высказался на этот счет в знаменитой «Записке о древней и новой России» (1811): «Каковы ныне, большею частию, губернаторы? Люди без способностей и дают всякою неправдою наживать секретарям своим, или без совести и сами наживаются. Не выезжая из Москвы, мы знаем, что такой-то губернии начальник глупец и весьма давно! В такой-то грабитель и весьма давно! Слухом земля полнится, а министры не знают того и знать не хотят. К чему же

служат ваши новые министерские образования? К чему писать законы, разве для потомства? Не бумаги, а люди правят». И далее: «Везде грабят и кто наказан? Ждут доносов, улики, посылают сенаторов для исследования, и ничего не выходит? Доносят плуты, честные терпят и молчат, ибо любят покой. Не так легко уличить искусного вора-судью, особенно с нашим законом, по коему взятокбратель и взятодатель равно наказываются»³. Пушкинские слова о мздоимстве в допетровской России («Бояре беспечные. Их дьяки алчные»; «Законы, более обычаи, нежели законы, — неопределенны, судьи безграмотные. Дьяки плуты. Нравы дикие, свирепые») представляют прямую отсылку к известным словам Н. М. Карамзина, брошенным историографом в лицо общественному мнению страны.

В царствование Александра I на этих же основаниях базировалась преобразовательская деятельность М. М. Сперанского, который вошел в историю не только как великий реформатор и администратор, но и как редкий пример неподкупного чиновника. Создание Царскосельского лицея, по замыслу М. М. Сперанского, должно было подготовить новую породу чиновников — образованных, широко мыслящих и неподкупных. В день открытия Лицея А. П. Куницын обратился к воспитанникам с речью, в которой прозвучали со звучные времени слова: «Если граждане вознерадеют о должностях своих и общественные пользы подчинят видам своего корыстолюбия: то общественное благо разрушится и в своем падении ниспровергнет частное благосостояние»⁴.

Эти же мысли, надо думать, А. П. Куницын развивал в своих лекциях по естественному праву, оставивших глубокий след в мировоззрении лицейстов:

Куницыну дар сердца и вина:
Он создал нас, он воспитал наш пламень;
Поставлен им краеугольный камень,
Им чистая лампада зажжена (X, 972).

Тема мздоимства как характерная черта российской государственности из века в век нашла отклик в лицейских произведениях Пушкина. В стихотворении «Городок» 1815 г. он выразил по-юношески искреннее неприятие подобных злоупотреблений:

Что сельских иереев,
Как папа иудеев,
Я вовсе не люблю,
А с ними крючковатый
Подьяческий народ,
Лишь взятками богатый
И ябеды оплот (I, 106).

На церемонии первого выпуска 9 июня 1817 г. А. П. Куницын прочитал «Отчет Конференции Царскосельского лицея», в котором выделил главное, на что было направлено обучение воспитанников. В изучении права «внимание их преимущественно обращено на сии пункты, обыкновенно запутанность и беспорядок в течении судных дел производящие. Не скрыты были от них злоупотребления, в суде и расправе встречаемые, равно как источники оных и последствия; ибо в храме просвещения и образования одна только истина должна управлять устами наставника; она только может обнаружить всю гнусность неправды, мздоимства и лицепрятия». Далее Куницын обратился к выпускникам с проникновенными словами: «Да наполнится их сердце состраданием к ближнему, да получают они смелость восставать против злоупотреблений, тяжким игом обременяющих общество. Будучи сами чужды своекорыстия и других страстей, подрывающих корень общежития, да положат они преграду другим в их незаконных поступках»⁵.

Тема коррупции чиновников оставалась актуальной для общественного сознания и в последующие годы. Приступая к написанию истории Петра Великого, Пушкин мечтал повторить подвиг Н. М. Карамзина. Мысли великого историкографа о значении мздоимства в русской истории были хорошо известны поэту. Князь Петр Андреевич Вяземский («Старые записные книжки», 1883) вспоминал слова М. Н. Карамзина, который «говорил, что если бы отвечать одним словом на вопрос: что делается в России, то пришлось бы сказать: *крадут*. Он был непримиримый враг русского лихоимства, расточительности, как частной, так и казенной»⁶. Надо полагать, что этот исторический анекдот (или не анекдот) пересказывался на разные лады в пушкинском кругу.

Тему взяточничества находим в зрелых произведениях Пушкина. В «Станционном смотрителе» подьячие, хоть и в ироничном смысле, уподоблены разбойникам: «Кто не проклинал станционных смотрителей, кто с ними не бранивался? <...> Кто не почитает их извергами человеческого рода, равными покойным подьячим или, по крайней мере, муромским разбойникам?» (VIII, 97) Подьячие здесь названы «покойными», т. е. являются приметой как бы ушедшей эпохи. Очевидная ирония данного пассажа намекала на злободневность отсылки к немеркнувшей в России темы мздоимства, она усиливалась сравнением с разбойниками, которые явно лучше, чем якобы «покойные» подьячие.

По-видимому, в данном случае Пушкин отсылал образованного читателя к сатирическому произведению Эрнеста Петровича Перцова «Искусство брать взятки». Эта брошюра 1830 г. сатирически высмеивала взяточничество от имени вымышленного многоопытного чиновника. В ней современные мелкие канцеляристы именовались «подьячими XIX в.»⁷ и давались многозначительные колкие советы учиться вымогательству, «тем более что при нынешних бдительных и решительных мерах Правительства искусство брать взятки начинает уже приходить в упадок и, быть может, тайна онаго в скором времени долженствует

навек погибнуть к общему прискорбию всех нам подобных»⁸. Э. П. Перцов был знаком с Пушкиным и Вяземским и, надо полагать, его сатирическое произведение обсуждалось в пушкинском кругу.

Тему взятки и нарушения закона находим и в других произведениях Пушкина. В повести «Дубровский» барин Троекуров уговаривает стряпчего устроить дело так, чтобы отобрать поместье у своего врага Дубровского-отца: «Врешь, братец, какие тебе документы. На то указы. В том-то и сила, чтобы безо всякого права отнять имение» (VIII, 166). В сатирическом стихотворении 1835 г. «На выздоровление Лукулла» поэт намекнул на стяжание и казнокрадство министра народного просвещения графа С. С. Уварова, который будто бы клянется дальше жить честно:

Теперь мне честность — трын-трава!
Жену обсчитывать не буду,
И воровать уже забуду
Казенные дрова! (III, 405)

Император Николай I любил сопоставлять себя с Петром Великим. Однако подобное сопоставление вне рамок цензуры неизбежно приводило искреннего наблюдателя к мысли, что самодержавная власть, основанная не на честной службе, а на «алчных» дьяках допетровского ли времени или же крючкотворах следующих веков имеет очевидную преемственность; впрочем, преемственность крайне нежелательную и даже оскорбительную для официоза николаевского времени. Николаевская Россия была пронизана практикой самого неприглядного воровства и взяточничества.

Сюжет «Ревизора», подаренный Пушкиным Гоголю, свидетельствует, насколько эта тема занимала поэта. Выставляя на первый план взятки в оценке допетровской Руси, Пушкин подводил читателя к мысли о том, что грандиозные преобразования начала XVIII в. не решили этого вопроса. В рамках идеологии Просвещения это означало характеристику самодержавия императорского периода как правления деспотического, т. е. противостоящего общественному благу.

Обращение Пушкина к теме мздоимства имело корни не только в российских исторических и современных ему реалиях, но и в идеях французской историографии, с которой образованные русские авторы были хорошо знакомы. Вразрез с сочинением Вольтера о Петре I о русском царе высказался Ш. Массон, служивший учителем математики у цесаревича Александра Петровича. В 1802 г. были опубликованы его мемуары на французском, которые содержали весьма резкие критические отзывы автора о России. В частности, они касались и темы мздоимства: «Воровство — порок, неотделимый от русского правления, и коренится он в национальном характере, в испорченности нравов, недостатке честности и общественного самосознания»⁹. Среди книг пушкинской библиотеки работы Ш. Массона нет, хотя это не значит, что он не был с ней знаком.

Зато в библиотеке поэта находим многотомный труд Пьера Шарля Левека «Российская история», автор которой жил в России, преподавал в Кадетском корпусе и знал русский язык. В своем исследовании Левек обратил внимание на коррупцию времен Петра: ближайшие сподвижники царя — Меншиков, Апраксин, Брюс, Кикин и другие «расхищали государство». Царь безуспешно пытался бороться с повсеместным мздоимством: Левек образно описал это явление так: «Придворные душили слабого (человека) одной рукой, а другой — закрывали глаза царю»¹⁰.

Изучение творчества Пушкина дает нам многие примеры того, что понять авторский замысел непросто даже при наличии окончательного авторского текста. Поскольку законченного труда Пушкина о Петре мы не имеем, рассуждения о его замыслах неизбежно будут носить характер предположений. Исследовательская мысль всегда в движении, отталкиваясь от одних фактов, она может своенравно прийти к неожиданным выводам.

Тем не менее, постигая пушкинский замысел «Истории Петра I», позволим себе предположить, что автор намеревался показать грандиозность реформ преобразователя России, который совершил, казалось бы, невозможное, но не смог одолеть неистребимое мздоимство чиновников. Такой взгляд на Петра и на результаты его деятельности весьма отличался от официальной оценки.

Разумеется, тема мздоимства в пушкинском замысле «Истории Петра I» не была ни единственной, ни самой главной. В общем объеме выписок Пушкина из книги И. И. Голикова эти сюжеты как бы тонут. И, видимо, поэтому исследователи не обратили на них внимания. Все-таки царь поручил поэту написать не историю взяток в России, а историю Петра Великого. Тем не менее внимание Пушкина к этой теме несомненно. Для пушкинского гения характерно многоплановое изображение сложных явлений. Восхищение Петром Великим, результатами его побед и реформ сочеталось у Пушкина с критическим взглядом на методы правления царя-преобразователя. Центральную мысль «Истории Петра I» Пушкин записал среди выписок из труда И. И. Голикова. Это целиком пушкинский текст: «Достойна удивления разность между государственными учреждениями Петра Великого и временными его указами. Первые суть плоды ума обширного, исполненного доброжелательства и мудрости, вторые нередко жестоки, своенравны и, кажется, писаны кнутом. Первые были для вечности, или, по крайней мере, для будущего, — вторые вырвались у нетерпеливого самовластного помещика». Сразу вслед за этим Пушкин приписал: «NB. (Это внести в историю Петра, обдумав)». Не беремся утверждать, какова могла быть в конечном итоге обдуманная мысль на этот счет. Но, следуя за процитированным текстом, «самовластный помещик» предполагает в качестве работников не граждан, а крепостных, за которыми должно следить, чтобы они исполняли приказы и не воровали.

Выделив в качестве отправного сюжета при оценке Московского царства «алчных дьяков», Пушкин выписывал из труда И. И. Голикова нужные ему

случаи мздоимства и казнокрадства, равно как и факты борьбы с ними Петра. Из этого нетрудно сделать вывод, что, по мысли Пушкина, деспотический характер преобразований царя-самодержца был следствием не столько его характера, сколько условий русской жизни на протяжении веков. В таком понимании российского самодержавия и отечественной истории Пушкин, очевидно, опережал свое время.

- ¹ Здесь и далее ссылки на тексты Пушкина даются по изд.: *Пушкин А. С.* Полное собрание сочинений: в 16 т. М.; Л., 1937–1959, с указанием в круглых скобках номера тома — римскими цифрами, страниц — арабскими.
- ² О подношениях чиновникам в приказном и воеводском управлении XVII в. см.: *Седов П. В.* 1) Подношения в московских приказах XVII в. // *Отечественная история.* 1996. № 1. С. 139–150; 2) Подношения в системе воеводского управления Новгорода XVII в. // *Новгородский исторический сборник.* 1999. Вып. 7 (17). С. 130–163; 3) «Самая действенная русская конституция» (Культурный традиционализм средневекового кормления и его модернизация в петровскую эпоху) // *Чело.* 2003. № 1 (26). С. 35–47; 4) Правда и Закон (Судебная практика второй половины XVII в. глазами ее участников) // *Русистика Руслана Скрынникова.* Будапешт — Волгоград, 2011. С. 240–253.
- ³ *Карамзин Н. М.* Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М., 1991. С. 99–100.
- ⁴ *Куницын А. П.* Наставление воспитанникам, читанное при открытии Императорского Царскосельского лицея в присутствии Его императорского величества и Августейшей фамилии октября 19 дня 1811 года адъюнкт-профессором Александром Куницыным. СПб., 1811. С. 4.
- ⁵ Цит. по: *Руденская М., Руденская С.* Пушкинский лицей. Очерк-путеводитель. Л., 1980. С. 87–88.
- ⁶ *Вяземский П. А.* Полное собрание сочинений. СПб., 1883. Т. 8. С. 113.
- ⁷ *Перцов Э. П.* Искусство брать взятки: Рукопись, найденная в бумагах Тяжалкина, умершего титулярного советника. СПб., 1830. С. 21, 30.
- ⁸ Там же. С. 25.
- ⁹ *Масон Ш.* Секретные записки о России времени царствования Екатерины II и Павла I. М., 1996. С. 100.
- ¹⁰ *Мезин С. А.* Взгляд из Европы: французские авторы XVIII века о Петре I. Саратов, 2003. С. 213.

References

- MASON SH. *Sekretnye zapiski o Rossii vremeni tsarstvovaniia Ekateriny II i Pavla I* [Secret notes about Russia during the reign of Catherine II and Paul I. In Russ.]. Moscow, 1996.
- MEZIN S. A. *Vzgliad iz Evropy: frantsuzskie avtory XVIII veka o Petre I* [A view from Europe: French authors of the 18th century about Peter I. In Russ.]. Saratov, 2003.
- RUDENSKAYA M., RUDENSKAYA S. *Pushkinskii litsei. Ocherk-putevoditel'* [Pushkin Lyceum. Essay-guide. In Russ.]. Leningrad, 1980.

SEDOV P.V. *Podnosheniya v moskovskikh prikazakh XVII v.* [Offerings in Moscow orders of the 17th century. In Russ.] // *Otechestvennaya istoriya*. 1996. No. 1. P. 139–150.

SEDOV P.V. *Podnosheniia v sisteme voevodskogo upravleniia Novgoroda XVII v.* [Offerings in the system of voivodship administration of Novgorod in the 17th century. In Russ.] // *Novgorodskii istoricheskii sbornik*. Saint Petersburg, 1999. Iss. 7 (17). P. 130–163.

SEDOV P.V. “*Samaia deistvennaia russkaia konstitutsiia*” (*Kulturnyi traditsionalizm srednevekovogo kormleniia i ego modernizatsiia v petrovskuiu epokhu*) [“The most effective Russian constitution” (Cultural traditionalism of medieval feeding and its modernization in the Peter the Great era). In Russ.] // *Chelo*. 2003. No. 1 (26). P. 35–47.

SEDOV P.V. *Pravda i Zakon (Sudebnaia praktika vtoroi poloviny XVII v. glazami ee uchastnikov)* [Truth and Law (Judicial practice of the second half of the 17th century through the eyes of its participants). In Russ.] // *Rusistika Ruslana Skrynnikova*. Budapesht – Volgograd, 2011. P. 240–253.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

П. В. Седов. К одному из пушкинских замыслов «Истории Петра I» // Петербургский исторический журнал. 2024. № 4. С. 44–52

Аннотация: В подготовительных материалах для написания «Истории Петра Великого» А. С. Пушкин собственноручно наметил одну из сквозных тем будущего труда: взяточничество чиновников и нарушение ими законов. Эта тема была весьма актуальна в пушкинское время. Выделив в качестве отправного сюжета при оценке Московского царства «алчных дьяков», Пушкин выписывал из труда И. И. Голикова о Петре I нужные ему случаи мздоимства и казнокрадства, равно как и факты борьбы с ними Петра. Из этого можно сделать вывод, что, по мысли Пушкина, деспотический характер преобразований царя-самодержца был следствием не столько его характера, сколько условий русской жизни на протяжении веков. В таком понимании российского самодержавия и отечественной истории Пушкин, очевидно, опережал свое время.

Ключевые слова: А. С. Пушкин, Петр I, реформы Петра I, взятки.

FOR CITATION

P. V. Sedov. To one of Pushkin’s plans for “The History of Peter I” // St. Petersburg Historical Journal, no. 4, 2024, pp. 44–52

Abstract: In the preparatory materials for writing *The History of Peter the Great*, A. S. Pushkin outlined one of the cross-cutting themes of his future work, namely the bribery of officials and their violation of the law. This topic was of great relevance in Pushkin’s time. Having identified “greedy clerks” as the initial focus of his analysis of the Muscovite kingdom, Pushkin drew upon the work of I. I. Golikov’s account to Peter I detailed the instances of bribery and embezzlement that were prevalent at the time, as well as the efforts made by Peter to combat these practices. From this, we can infer that, in Pushkin’s view, the despotic nature of the autocratic tsar’s reforms was not primarily a reflection of his character, but rather a consequence of the historical and socio-political conditions that shaped Russian life over centuries. From this perspective on Russian autocracy and national history, it is evident that Pushkin was a pioneer in his understanding of these issues.

Key words: A. S. Pushkin, Peter I, reforms of Peter I, bribes.

Автор: **Седов, Павел Владимирович** — д. и. н., заведующий Отделом древней истории России Санкт-Петербургского института истории РАН (Санкт-Петербург, Россия).

Author: **Sedov, Pavel Vladimirovich** — Dr. of Sciences in History, Head of Medieval Russian history Division of the St. Petersburg Institute of History, Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russia).

E-mail: sedovpv@rambler.ru